

Ипполитов Олег Олегович

**О ПРОЦЕССАХ СТАБИЛИЗАЦИИ ФОКУСА КОНЦЕНТРАЦИИ СОЗНАНИЯ В ПРОСТРАНСТВЕ
КОНЦЕПТОСФЕРЫ**

Показывается наличие в пространстве концептосферы некоторых динамических когнитивных объектов. Вводится система специальных координатных осей и исследуется лингвистический материал произведений различных авторов.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2010/2/16.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2010. № 2 (6). С. 62-69. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2010/2/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

COMMUNICATIVE SEMANTIZATION OF IMPLICIT ESTIMATION (ON THE MATERIAL OF THE FRENCH LANGUAGE)

Tatyana Egorovna Zmeyova

*Department of the French Language
State University – Higher School of Economics
tatzm@rambler.ru*

In the article the linguistic and extra-linguistic factors participating in the communicative semantization of the implicit meaning of estimation and contributing to the appearance of its positive axiological orientation are considered, the decisive role of the linguistic and extra-linguistic context in the creation of the implicit estimation and of the function of estimating statements comprising the implicit meaning of estimation in the text semantic structure is revealed.

Key words and phrases: communicative implicitness; axiological estimation; communicative semantization of implicit meanings; linguistic context; extra-linguistic context; situation.

УДК 808.2

Показывается наличие в пространстве концептосферы некоторых динамических когнитивных объектов. Вводится система специальных координатных осей и исследуется лингвистический материал произведений различных авторов.

Ключевые слова и фразы: концептосфера; концепт; структура; моделирование; процесс; стабилизация; фокус концентрации сознания.

Олег Олегович Ипполитов, к. филол. наук, доцент
*Кафедра общегуманитарных и естественнонаучных дисциплин
Московская открытая социальная академия (Воронежский филиал)
ipr00@vmail.ru*

О ПРОЦЕССАХ СТАБИЛИЗАЦИИ ФОКУСА КОНЦЕНТРАЦИИ СОЗНАНИЯ В ПРОСТРАНСТВЕ КОНЦЕПТОСФЕРЫ[©]

*У Али-Бабы разбежались глаза, и он не знал, за что ему взяться:
то примерит красный шёлковый халат, то посмотрится в золотой поднос, как в зеркало...
Тысяча и одна ночь.*

Присутствие в индивидуальной концептосфере человека генерализующей категории ««Я» как носитель сознания» [2] определяет ведущую роль антропогенной компоненты и создает каскад эмотивных, целевых, установочных, возрастных и прочих «зеркал» - локализованных в сознании когнитивных образований, отражающих и преломляющих поток обрабатываемой мозгом информации, насыщающих его «спектральный» состав новыми, индивидуально обусловленными составляющими. При этом под воздействием некоторых обстоятельств в тот или иной период у человека или группы людей может возникнуть явление доминирования, стабилизации определенных черт мировосприятия и поведения. Окружающий нас мир многолик и динамичен: все мы видим его по-разному, и в каждое мгновение - чуть иначе. Но не всегда и не во всем.

Понимая *концепт* как *локализованное в пространстве концептосферы мыслительное образование, обладающее внутренней структурой*, дадим некоторые базовые определения в том виде, как они будут использованы ниже. Дополнительные определения будем вводить по мере изложения материала.

Когнитивный признак - минимальный структурный компонент концепта, отражающий его отдельную черту или признак [8, с. 61].

Партиция (partition) - раздел, обособленная часть целого (англ.) - совокупность когнитивных признаков, вычлняющихся в когнитивной структуре концепта как единство, имеющее лексическую объективацию. Так, партициям «проспект» и «проселок» очевидно соответствуют различные по содержанию совокупности когнитивных признаков, но обе они входят в состав концепта «путь-дорога» [2].

Объективация данных когнитивных образований может осуществляться различными лексическими средствами: от отдельных лексем до «развернутых» прецедентных текстов.

Пространство - логически мыслимая форма (или структура), служащая средой, в которой осуществляются другие формы и те или иные конструкции [6, т. 4, с. 712]. Очевидно, что пространство концептосферы является частным случаем абстрактного пространства, его «когнитивной конкретизацией», которая, в свою очередь, отображается в «языковое» пространство. Описание структур, осуществляющихся в пространстве, целесообразно выполнять с использованием *координат* - величин, по которым определяется положение какого-либо элемента в некоторой совокупности (например, в пространстве) [Там же, т. 3, с. 9]. Для исследования различных когнитивных структур в качестве координат удобно использовать однородные с ними объекты - когнитивные признаки, партиции, при этом множество элементов, принадлежащих какому-то когнитивному образованию (например - концепту), образует *координатную ось* [3].

Фокус концентрации сознания (ФКС) - субъективная конкретно-чувственная или ассоциативная совокупность присутствующих в концептосфере когнитивных признаков, которые вычлняются и концентрируются в человеческом сознании в данный момент, в данном месте или в данном контексте [4].

Динамический - движущийся, меняющийся с течением времени.

Траектория - линия смещения в заданной системе координат фокуса концентрации сознания.

Аттрактор (attract) - притягивать, привлекать (англ.) - когнитивное образование, обладающее в течение достаточно длительного промежутка времени свойством притяжения к себе ФКС (его траекторий) [Там же].

Компакт - область когнитивного пространства, локализованная некоторым ограниченным множеством доминирующих когнитивных признаков и партиций и часто выполняющая роль *аттрактора*.

Стабилизатор - когнитивное образование, «сжимающее», «стягивающее» траектории ФКС к некоторому компактному в индивидуальной или групповой концептосфере.

Учитывая, что «разномасштабные» языковые образования - от отдельных лексем до литературных произведений - суть наиболее доступные нам данные об образованиях когнитивных, скрытых в глубине сознания, рассмотрим некоторые динамические явления в пространстве концептосферы с использованием прецедентных текстовых выборок из художественных произведений различных авторов.

Одним из примечательных примеров когнитивного стабилизатора может служить описанная Н. В. Гоголем актуализация в пространстве групповой концептосферы городского начальства концепта «*ревизор*», обусловившая сближение, стабилизацию вокруг доминирующего направления устремлений и действий городничего и его окружения.

«*Спешу, между прочим, уведомить тебя, что приехал чиновник с предписанием осмотреть всю губернию и особенно наш уезд... Так как я знаю, что за тобою... водятся грешки, потому что ты... не любишь пропускать того, что плывет в руки... то советую тебе взять предосторожность*» [1, с. 207-208].

При этом сам концепт «*ревизор*» объективируется в тексте одноименной пьесы подчеркнута сатирической фигурой Хлестакова.

«*Что с ним сделаешь? Батюшка пришлет денежки, чем бы их попридержать - и куды!.. пошел кутить... Иной раз все до последней рубашки спустит, так что на нем всего останется сертучишка да шинелишка...*» [Там же, с. 221].

«*О! Я щутить не люблю: я им всем задал острастку... Я такой! Я не посмотрю ни на кого...*» [Там же, с. 242].

«*Спешу уведомить тебя, душа Тряпичкин, какие со мной чудеса... весь город принял меня за генерал-губернатора. И я теперь живу у городничего, жуирую... все мне дают взаймы сколько угодно*» [Там же, с. 279].

Локализация в указанном выше когнитивном подпространстве компакта, к которому под воздействием стабилизатора «стягиваются» траектории фокуса концентрации сознания персонажей пьесы, осуществляется такими доминирующими партициями, как «*страх*», «*подобострастие*», «*услужливость*», «*беспринципность*», «*подсунуть взятку*», «*пресечь жалобы*» и некоторыми другими. Очевидно, что данное когнитивное образование выполняет функцию *аттрактора*, подробно исследованного в работе [4], и эксплицируется в тексте пьесы, в частности, следующими лексическими средствами: «*Батюшки, не милы мне теперь ваши зайцы: у меня инкогнито проклятое сидит в голове. Так и ждешь, что вот откроется дверь - и шась...*» [1, с. 213], «*Какая война с турками! Просто, нам будет плохо, а не туркам*» [Там же, с. 211], «*Нам нужно бы кое-что предпринять... Подсунуть? Ну да хоть и подсунуть*» [Там же, с. 248], «*Так сделайте милость, Иван Кузьмич: если на случай попадет жалоба или донесение, то без всяких рассуждений задерживайте*» [Там же, с. 212], «*Если вы точно имеете нужду в деньгах или в чем другом, то я готов служить сию минуту*» [Там же, с. 227], «*Слабыми моими силами, рвением и усердием к начальству... постараюсь заслужить... Не смею больше беспокоить своим присутствием*» [Там же, с. 251].

Отметим, что в отличие от большинства примеров, разобранных в [4], в данной работе исследуется *аттрактор* как когнитивное образование, включающее в свой состав партиции не одного, а нескольких концептов, имеющих близкий состав когнитивных признаков и образующих специфическое когнитивное образование - *компакт*, определение которого было дано выше.

Другим широко известным примером когнитивного стабилизатора явилась актуализация в начале двадцатого века в сознании российского общества концепта «революция», обусловившая резкое повышение значимости в национальной концептосфере компакта с такими определяющими партициями, как «доминирование общественных потребностей над индивидуальными», «самопожертвование во имя идеи», «классовая борьба» и ряда других.

В романе Н. А. Островского «Как закалялась сталь» [7] данное когнитивное образование объективируется, в частности, следующими лексическими средствами:

«- ...Партия и комсомол построены на железной дисциплине. Партия - выше всего. И каждый должен быть не там, где он хочет, а там, где нужен» [Там же, с. 145].

«Павел потерял ощущение отдельной личности... Он, Корчагин, растаял в массе и, как каждый из бойцов, как бы забыл слово «я», осталось лишь «мы»... » [Там же, с. 156].

«- Я буду принадлежать прежде партии, а потом тебе и остальным близким... Идем к нам. Будем вместе добывать господ» [Там же, с. 164].

«- ...Я не думаю, чтобы мы стали хорошими друзьями. Причина тому: во мне он видит прежде всего женщину, а уже только потом товарища по партии» [Там же, с. 204].

«- ...Построить при таких собачьих условиях, при таком оборудовании и количестве рабочей силы невозможно. Но зато все до одного знают, что не построить - нельзя» [Там же, с. 208].

Область действия когнитивных стабилизаторов не ограничивается пространствами групповой и национальной концептосфер: ярко выраженный компакт может возникать и в отдельно взятой концептосфере той или иной личности в период, когда ею, по образному выражению поэта, овладевает «одна, но пламенная страсть». Такой пример возникновения когнитивного стабилизатора на базе концепта «деньги» представлен в повести А. С. Пушкина «Пиковая дама» [9]. Указанный стабилизатор обусловил возникновение в индивидуальной концептосфере персонажа повести Германа компакта с доминирующими партициями «выигрыш», «тайна», «расчет», «цель оправдывает средства» и некоторыми другими, при этом экспликация данного когнитивного образования в тексте повести осуществляется, в частности, следующими лексическими средствами:

«Будучи в душе игрок, никогда не брал он карты в руки, ибо рассчитал, что его состояние не позволяло ему (как сказывал он) жертвовать необходимым в надежде приобрести излишнее, - а между прочим целые ночи просиживал за карточными столами и следил с лихорадочным трепетом за различными оборотами игры» [Там же, с. 196].

«Что если, - думал он... бродя по Петербургу, - что, если старая графиня откроет мне свою тайну!.. Представиться ей, подбиться в ее милость, - пожалуй, сделаться ее любовником» [Там же].

«- Я не мот; я знаю цену деньгам. Ваши три карты для меня не пропадут. Ну!..

Он остановился и с трепетом ожидал ее ответа. Графиня молчала; Герман стал на колени...

- Старая ведьма! - сказал он, стиснув зубы, - так я ж заставлю тебя отвечать...

С этими словами он вынул из кармана пистолет» [Там же, с. 202].

Обратим внимание, что завершающая повесть сцена потери рассудка Германом фиксирует высшую, буквально «запредельную» степень концентрации в рамках описанного компакта всех его помыслов, стремлений и мотиваций поступков.

«Герман сошел с ума. Он сидит в Обуховской больнице, в 17-м номере, не отвечает ни на какие вопросы и бормочет необыкновенно скоро: - Тройка, семерка, туз! Тройка, семерка, дама!..» [Там же, с. 211].

Ниже, используя текстовые выборки из романа Л. Н. Толстого «Война и мир» [10], мы рассмотрим ряд других когнитивных стабилизаторов различного «масштаба», действующих в пространствах индивидуальных и групповых (в т. ч. - профессиональных) концептосфер.

Часто в роли стабилизатора, влияющего на сознание и некоторым образом определяющего поступки и действия какого-то множества людей (от ограниченного круга знакомых до целой нации) может выступать (не расчлняемый здесь на составляющие структурные элементы) когнитивный комплекс, связанный с той или иной личностью. Так, в самом начале романа мы обнаруживаем, как «присутствие хозяйки дома» Анны Павловны Шерер оказывает достаточно заметное «стабилизирующее» воздействие на групповую концептосферу собравшихся на приеме людей:

«Она... продолжала прислушиваться и приглядываться, готовая подать помощь на тот пункт, где ослабевал разговор. Как хозяйин прядильной мастерской, посадив работников по местам, прохаживается по заведению, замечая неподвижность или непривычный, скрипящий, слишком громкий звук веретена, торопливо идет, сдерживает или пускает его в надлежащий ход, - так и Анна Павловна, прохаживаясь по своей гостиной, подходила к замолкнувшему или слишком много говорившему кружку и одним словом или перемещением опять заводила равномерную, приличную разговорную машину... Вечер Анны Павловны был пущен. Веретена с разных сторон равномерно и не умолкая шумели» [10, т. 1, с. 14].

«Как хороший метрдотель подает как нечто сверхъестественно-прекрасное тот кусок говядины, который есть не захочется, если увидеть его в грязной кухне, так в нынешний вечер Анна Павловна сервировала своим гостям сначала виконта, потом аббата, как что-то сверхъестественно-утонченное» [Там же, с. 15].

Возникающий при этом в когнитивном пространстве компакт определяется совокупностью таких доминирующих партиций как «манера поведения», «приличие / неприличие», «принятые темы беседы» и ряд других, эксплицируемых в тексте романа, в частности, следующими лексическими средствами:

«Все гости совершали обряд приветствования никому не известной, никому не интересной и не нужной тетушке... Все подходившие, из приличия не выказывая поспешности, с чувством облегчения исполненной тяжелой обязанности отходили от старушки, чтоб уж весь вечер ни разу не подойти к ней» [Там же, с. 11].

«...Общество разбилось на три кружка. В одном, более мужском, центром был аббат; в другом, молодом, - красавица княжна Элен, дочь князя Василия, и хорошенькая, румяная, слишком полная по своей молодости, маленькая княгиня Болконская. В третьем - Мортемар и Анна Павловна» [Там же, с. 15].

«Оба слишком оживленно и естественно слушали и говорили, и это-то не понравилось Анне Павловне... Не выпуская уже аббата и Пьера, Анна Павловна для удобства наблюдения присоединила их к общему кружку» [Там же, 18-19].

С иным типом «стабилизирующего» воздействия на концептосферу все того же сообщества людей мы встречаемся при появлении в салоне Анны Павловны княгини Лизы - жены Андрея Болконского.

«Всем было весело смотреть на эту полную здоровья и живости хорошенькую будущую мать, так легко переносящую свое положение. Старикам и скучающим, мрачным молодым людям казалось, что они сами делаются похожи на нее, побыв и поговорив несколько времени с ней. Кто говорил с ней и видел при каждом слове ее светлую улыбочку и блестящие белые зубы, которые виднелись беспрестанно, тот думал, что он особенно нынче любезен. И это думал каждый» [Там же, с. 12].

Очевидно, что возникший при этом компакт в пространстве групповой концептосферы гостей Анны Павловны определяется совокупностью доминирующих партиций, объективируемых как «жизнерадостность», «улыбка», «пренебрежение к мелким неудобствам и неприятностям», и некоторых др. Интересно, что сам Андрей очевидным образом остался вне круга лиц, подвластных обаянию маленькой княгини.

«Из всех же прискучивших ему лиц лицо его хорошенькой жены, казалось, больше всех ему надоело. С гримасой, портившей его красивое лицо, он отвернулся от нее...»

- Andre, - сказала его жена, обращаясь к мужу тем же кокетливым тоном, каким она обращалась и к посторонним, - какую историю нам рассказал виконт о mademoiselle Жорж и Бонапарте!

Князь Андрей зажмурился и отвернулся» [Там же, с. 19].

Одним из следствий принципа «дуализма» когнитивных структур [5] является возможность возникновения в пространстве индивидуальной или групповой концептосферы в некотором смысле «антогонистичных» стабилизаторам когнитивных образований - дестабилизаторов, увеличивающих степень разупорядоченности, «разброса» траекторий ФКС. Именно такое «дестабилизирующее» влияние оказало появление в салоне Анны Павловны молодого Пьера Безухова.

«При виде вошедшего Пьера в лице Анны Павловны изобразилось беспокойство и страх... Страх Анны Павловны был не напрасен, потому что Пьер, не дослушав речи тетушки о здоровье ее величества, отошел от нее. Анна Павловна испуганно остановила его... Пьер сделал обратную неучтивость. Прежде он не дослушав слов собеседницы, ушел; теперь он остановил своим разговором собеседницу, которой надо было от него уйти... Но среди этих забот все виден был в ней особенный страх за Пьера... Анна Павловна, все подглядывавшая на страшного для нее молодого человека, заметила, что он что-то слишком горячо и громко говорит с аббатом, и поспешила на помощь к опасному месту... Пьер опять ворвался в разговор, и Анна Павловна, хотя и предчувствовавшая, что он скажет что-нибудь неприличное, уже не могла остановить его... Мсье Пьер не знал, кому отвечать... Вставая, он вместо своей шляпы захватил треугольную шляпу с генеральским плюмажем и держал ее, дергая султан, до тех пор, пока генерал не попросил возвратить ее» [10, т. 1, с. 13-29].

С другим интересным проявлением того же принципа «дуализма» мы встречаемся при исследовании когнитивного комплекса, связанного с личностью князя Андрея, когда в групповой концептосфере окружающих его людей возникают два компакта, локализуемых взаимно противоположными партициями «человек, заслуживающий восхищения» и «неприятный человек» и объективируемых следующими лексическими средствами:

«В штабе Кутузова между товарищами-сослуживцами и вообще в армии князь Андрей, так же как и в петербургском обществе, имел две совершенно противоположные репутации. Одни, меньшая часть, признавали князя Андрея чем-то особенным от себя и от всех других людей, ожидали от него больших успехов, слушали его, восхищались им и подражали ему... Другие, большинство, не любили князя Андрея, считали его надутым, холодным и неприятным человеком» [Там же, с. 155].

Под влиянием личности старого князя Николая Андреевича Болконского в групповой концептосфере окружающих его людей возникает достаточно четко выраженный компакт, локализуемый такими партициями, как «страх» и «почтение», «строжайший распорядок жизни» и «барская прихоть» и некоторыми другими, объективируемыми в тексте романа, в частности, следующими лексическими средствами:

«Порядок в его образе жизни был доведен до последней степени точности. Его выходы к столу совершались при одних и тех же неизменных условиях, и не только в один и тот же час, но и минуту... Не был жестким, он возбуждал к себе страх и почтительность, каких не легко мог бы добиться самый жестокий человек. Несмотря на то, что он был в отставке и не имел теперь никакого значения в государственных делах, каждый начальник той губернии, где было именование князя, считал своим долгом являться к нему и точно так же, как архитектор, садовник или княжна Марья, дожидаясь назначенного часа выхода князя в высокой официантской. И каждый в этой официантской испытывал то же чувство почтительности и даже страха» [Там же, с. 109].

В свою очередь, появление Анатоля Курагина у Болконских в качестве жениха обусловило перестройку структуры групповой концептосферы сложившегося в доме небольшого женского общества и возникновение параллельно с вышеописанным другим компакта, локализованного партицией «интересный мужчина». Данное когнитивное образование эксплицируется в тексте романа, в частности, следующими лексическими средствами:

«Как это всегда бывает для одиноких женщин, долго проживших без мужского общества, при появлении Анатоля все три женщины в доме князя Николая Андреевича одинаково почувствовали, что жизнь их была не жизнью до этого времени. Силы мыслить, чувствовать, наблюдать мгновенно удесятерились во всех их, и как будто их жизнь, до сих пор происходившая во мраке, вдруг осветилась новым, полным значения светом.

Княжна Марья вовсе не думала и не помнила о своем лице и прическе. Красивое, открытое лицо человека, который, может быть, будет ее мужем, поглощало все ее внимание... Тысячи мечтаний о будущей семейной жизни беспрестанно возникали в ее воображении» [Там же, с. 282].

«*M-me Bourienne*, взведенная тоже приездом Анатоля на высокую степень возбуждения, думала в другом роде... *M-me Bourienne* давно ждала того русского князя, который сразу сумеет оценить ее превосходство над русскими, дурными, дурно одетыми, неловкими княжнами, влюбится в нее и увезет ее... Все это уже давно было готово в ней и теперь только сгруппировалось около появившегося Анатоля, которому она желала и старалась как можно больше нравиться.

Маленькая княгиня, как старая полковая лошадь, услышав звук трубы, бессознательно и забывая свое положение, готовилась к привычному галопу кокетства, без всякой задней мысли или борьбы, а с наивным, легкомысленным весельем» [Там же, с. 282-283].

С примером (кратковременного, но активного и успешного) «стабилизирующего» воздействия на пространство индивидуальной концептосферы с целью «принудительной ориентации устремлений носителя сознания в нужном направлении» мы встречаемся в эпизоде разговора княгини Друбецкой с князем Василием, вынужденным выполнить ее просьбу вопреки своим первоначальным установкам.

«- Что же вы мне скажете, князь, о моем Борисе?.. Что стоит сказать слово государю, и он прямо будет переведен в гвардию, - просила она...

Влияние в свете есть капитал, который надо беречь, чтоб он не исчез. Князь Василий знал это... В деле княгини Друбецкой он почувствовал... что-то вроде укора совести. Она напомнила ему правду: первыми шагами своими в службе он был обязан ее отцу. Кроме того, он видел по ее приемам, что она одна из тех женщин, особенно матерей, которые, однажды взяв себе что-нибудь в голову, не отстанут до тех пор, пока не исполнят их желания... Это последнее соображение поколебало его» [Там же, с. 20-22].

Локализация возникшего при этом компакта, «втянувшего» в себя на время разговора фокус концентрации сознания князя Василия, очевидно, осуществляется такими доминирующими партициями, как «боязнь продолжения приставаний», «укор совести», «чувство обязанности кому-то» и некоторыми другими.

Влияние когнитивного комплекса, связанного с личностью той же Друбецкой, на сознание другого человека - Пьера Безухова - приводит к возникновению в индивидуальной концептосфере последнего уже иного компакта, локализуемого партицией «так нужно» и объективируемого, в частности, следующими лексическими средствами:

«Анна Михайловна поспешными шагами шла вверх по слабо освещенной узкой каменной лестнице, подзывая отстававшего за ней Пьера, который, хотя и не понимал, для чего ему надо было вообще идти к графу, и еще меньше, зачем ему надо было идти по задней лестнице, но, судя по уверенности и поспешности Анны Михайловны, решил про себя, что это было необходимо нужно» [Там же, с. 94].

«Пьер ничего не понимал; опять ему еще сильнее показалось, что все это так должно быть, и он покорно последовал за Анною Михайловной...» [Там же, с. 95].

Отметим, что когнитивный комплекс, связанный с полученным Пьером наследством, в свою очередь породил существенную структурную перестройку в групповой концептосфере широкого круга столичных невест с образованием компакта, локализованного партицией «перспективный жених» и объективируемого в письме Жюли следующими лексическими средствами:

«... С тех пор как молодой человек, которого мы все знали под именем просто Пьера, сделался графом Безуховым и владельцем одного из лучших состояний России, - я забавляюсь наблюдениями за переменной тона маменек, у которых есть дочери-невесты, и самих барышень в отношении к этому господину, который (в скобках будь сказано) всегда казался мне очень ничтожным» [Там же, с. 115].

Со своеобразным - условно говоря, «негативным» - типом когнитивного стабилизатора, существовавшего в пространстве групповой концептосферы «повес и кутил Петербурга», мы встречаемся в эпизодах романа, связанных с личностью Долохова.

«Долохов был небогатый человек, без всяких связей. И несмотря на то, что Анатоль проживал десятки тысяч, Долохов жил с ним и успел себя поставить так, что Анатоль и все знавшие их уважали Долохова больше, чем Анатоля» [Там же, с. 41].

Возникающий при этом в когнитивном пространстве компакт локализуется такими партициями, как «лидерство», «бесшабашность», «показная удаль», «бравата», «оргии», «кутежи» и некоторыми другими, эксплицируемыми в тексте романа, в частности, следующими лексическими средствами.

«- Стойте, он не пьян. Дай бутылку, - сказал Анатоль и, взяв со стола стакан, подошел к Пьеру.

- Прежде всего пей.

Пьер стал пить стакан за стаканом, исподлобья оглядывая пьяных гостей... Анатоль наливал ему вино и рассказывал, что Долохов держит пари с англичанином Стивенсом, моряком, бывшим тут, что он, Долохов, выьет бутылку рома, сидя на окне третьего этажа с опущенными наружу ногами...

Пьер вскочил на окно.

- Господа, кто хочет со мною пари? Я то же сделаю, - вдруг крикнул он.

- И пари не нужно, вот что. Вели дать бутылку. Я сделаю... вели дать» [Там же, с. 40-44].

Общеизвестной является сила воздействия, которое оказывает на сознание ряда людей концепт «вера». Так, многочисленные примеры присутствия (продолжительного, на протяжении многих лет!) в индивидуальной концептосфере княжны Марьи яркого выраженного компакта, локализованного такими партициями, как «самопожертвование», «спасение души», «молитвы», «странствия» и некоторыми другими, мы обнаруживаем в ряде эпизодов исследуемого романа.

«- Одно, что тяжело для меня, - я тебе по правде скажу, Andre, - это образ мыслей отца в религиозном отношении. Я не понимаю, как человек с таким огромным умом не может видеть того, что ясно, как день, и может так заблуждаться?..» [Там же, с. 133].

«У княжны Марьи была в самой глубокой тайне ее души скрытая мечта и надежда, доставлявшая ей главное утешение в ее жизни. Утешительную мечту и надежду эту дали ей божьи люди - юродивые и странники, посещавшие ее тайно от князя... Оставить семью, родину, все заботы о мирских благах для того, чтобы, не прилепляясь ни к чему, ходить в посконном рубище, под чужим именем с места на место, не делая вреда людям и молясь за них... выше этой истины и жизни нет истины и жизни!» [Там же, с. 608].

С кончиной старого князя в индивидуальной концептосфере княжны Марьи описанный компакт постепенно утрачивает свою доминирующую роль, и под воздействием когнитивного стабилизатора, который можно репрезентировать как «надежда на личное счастье», возникает новый компакт, локализуемый такими партициями, как «свободная жизнь» и «любовь», и оказывающий все усиливающееся воздействие на положение ФКС.

«Со времени болезни ее отца... в ней проснулись все заснувшие в ней, забытые личные желания и надежды. То, что годами не приходило ей в голову - мысли о свободной жизни без вечного страха отца, даже мысли о возможности любви и семейного счастья, как искушения дьявола, беспрестанно носились в ее воображении...» [Там же, т. 2, с. 141-142].

«Как ни стыдно ей было признаться себе, что она первая полюбила человека, который, может быть, никогда не полюбит ее, она утешала себя мыслью, что никто никогда не узнает этого и что она не будет виновата, ежели будет до конца жизни, никому не говоря о том, любить того, которого она любила в первый и в последний раз» [Там же, с. 170].

Близкий по структурному положению (хотя и не тождественный описанному ранее для концептосферы княжны Марьи) компакт, возникший на некоторый отрезок времени под воздействием когнитивного стабилизатора на базе концепта «вера», мы обнаруживаем в индивидуальной концептосфере Пьера Безухова. Этот компакт локализуется такими партициями, как «любовь к ближнему», «самопожертвование», «жизнь ради других» и некоторыми другими. Следует отметить, что в развитии, в протекании многих динамических когнитивных процессов довольно часто можно выделить три основные фазы: инициализация, фиксация и релаксация (затухание) процесса. В случае с Пьером Безуховым объективация первой из указанных фаз осуществляется в романе, в частности, следующими лексическими средствами:

«- Я боюсь, - сказал Пьер, улыбаясь и колебаясь между доверием, внушаемым ему личностью масона, и привычкой насмешки над верованиями масонов, - я боюсь, что я очень далек от понимания, как это скатать, я боюсь, что мой образ мыслей насчет всего мироздания так противоположен вашему, что мы не поймем друг друга» [Там же, т. 1, с. 437].

«Долго после его отъезда Пьер, не ложась спать и не спрашивая лошадей, ходил по станционной комнате, обдумывая свое порочное прошедшее и с восторгом обновления представляя себе свое блаженное, безупречное и блаженное будущее, которое казалось ему так легко...» [Там же, с. 441-442].

Объективация второй из указанных фаз процесса осуществляется в тексте романа следующими лексическими средствами:

«- Как легко, как мало усилий нужно, чтобы сделать так много добра, - думал Пьер, - и как мало мы об этом заботимся!» [Там же, с. 476].

«...В душе же Пьера происходила за все это время сложная и трудная работа внутреннего развития, открывшая ему многое и приведшая его ко многим духовным сомнениям и радостям» [Там же, с. 551].

И, наконец, объективация завершающей фазы исследуемого нами когнитивного процесса осуществляется в тексте романа следующим образом:

«С той минуты как Пьер увидел это страшное убийство, совершенное людьми, не хотевшими этого делать, в душе его как будто вдруг выдернута была та пружина, на которой все держалось... В нем, хотя он и не отдавал себе отчета, уничтожилась вера и в благоустройство мира, и в человеческую, и в свою душу, и в бога» [Там же, т. 2, с. 452].

Интересные типы когнитивных стабилизаторов наблюдаются в профессиональной концептосфере людей, несущих воинскую службу. Так, примеры хорошо выраженных компактов, возникающих под влиянием стабилизирующего когнитивного комплекса на базе концепта «командир» и притягивающих, захватывающих и локализующих на определенный срок в своих «границах» доминирующее местоположение ФКС в пространстве концептосферы, мы обнаруживаем, в частности, в следующих эпизодах романа.

«Полковой командир Карл Богданович Шуберт подъехал к эскадрону Денисова и ехал шагом недалеко от Ростова, не обращая на него никакого внимания... Ростов, чувствуя себя во фронте во власти человека, перед которым он теперь считал себя виноватым, не спускал глаз с атлетической спины, белокурого затылка и красной шеи полкового командира. Ростову то казалось, что Богданыч только притворяется невнимательным и что вся цель его теперь состоит в том, чтобы испытать храбрость юнкера, и он выпрямлялся и весело оглядывался; то ему казалось, что Богданыч нарочно едет близко, чтобы показать Ростову свою храбрость. То ему думалось, что враг его теперь нарочно пошлет эскадрон в отчаянную атаку, чтобы наказать его, Ростова. То думалось, что после атаки он подойдет к нему и великодушно протянет ему, раненому, руку примирения» [Там же, т. 1, с. 180].

«Князь Андрей тщательно прислушивался к разговорам князя Багратиона с начальниками и к отдаваемым им приказаниям и, к удивлению, замечал, что приказаний никаких отдаваемо не было, а что князь Багратион только старался делать вид, что все, что делалось по необходимости, случайности и воле частных начальников, что все это делалось хоть не по его приказанию, но согласно с его намерениями. Благодаря такту, который выказывал князь Багратион, князь Андрей замечал, что, несмотря на эту случайность событий и независимость их от воли начальника, присутствие его сделало чрезвычайно много. Начальники, с расстроенными лицами подъезжавшие к князю Багратиону, становились спокойны, солдаты и офицеры весело приветствовали его и становились оживленнее в его присутствии и, видимо, щеголяли перед ним своею храбростью» [Там же, с. 227].

Вследствие динамической природы рассматриваемых когнитивных образований может наблюдаться явление внезапного возникновения и затухания, быстрой смены в течение ограниченного промежутка времени когнитивных стабилизаторов и дестабилизаторов, возникающих, например, на базе концептов «воодушевление» и «паника». Соответствующие примеры для уже рассматривавшегося пространства профессиональной «армейской» концептосферы мы обнаруживаем, в частности, в следующих эпизодах романа.

«Но в тот же миг все застлалось дымом, раздалась близкая стрельба и наивно испуганный голос в двух шагах от князя Андрея закричал: «Ну, братцы, шабаш!» И как будто голос этот был команда. По этому голосу все бросились бежать.

Смешивающиеся, все увеличивающиеся толпы бежали назад к тому месту, где пять минут тому назад войска проходили мимо императоров...» [Там же, с. 348].

«- Ура! - закричал князь Андрей, едва удерживая в руках тяжелое знамя, и побежал вперед с несомненной уверенностью, что весь батальон побежал за ним.

И действительно, он пробежал один только несколько шагов. Тронулся один, другой солдат, и весь батальон с криком «Ура!» побежал вперед и обогнал его» [Там же, с. 350].

В заключение выполненного исследования отметим, что описанные выше когнитивные образования ни в коей мере не исчерпывают всего многообразия динамических явлений в пространстве концептосферы, имеющих весьма сложную структуру и обладающих существенно «нелинейным» характером взаимосвязей.

Список литературы

1. Гоголь Н. В. Собр. соч.: в 9-ти т. М.: Русское слово, 1994. Т. 4.
2. Ипполитов О. О. Дорога // Антология концептов / под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. Волгоград: Парадигма, 2005. Т. 2. С. 101-121.
3. Ипполитов О. О. Некоторые особенности анализа концепта «дорога» в нечеткой системе координат «базисных» и «периферийных» понятий // Материалы юбилейной конференции, посвященной 60-летию филологического факультета ВГУ. Воронеж: ИПК МОУВЭПИ, 2002. Вып. 1. Языкознание / под ред. Г. Ф. Ковалева. С. 45-48.
4. Ипполитов О. О. Об аттракторах и некоторых когнитивных процессах в пространстве концептосферы // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2010. № 1 (5). Ч. 2. С. 85-92.
5. Колмогоров А. Н., Фомин С. В. Элементы теории функций и функционального анализа. М.: Наука, 1976.
6. Математическая энциклопедия. М.: СЭ, 1977-85. Т. 1-5.
7. Островский Н. А. Как закалялась сталь. Йошкар-Ола: Марийское кн. издат., 1968.

8. Попова З. Д., Стернин И. А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж: Истоки, 2001.

9. Пушкин А. С. Собр. соч.: в 3-х т. М.: Художественная литература, 1986-87. Т. 3.

10. Толстой Л. Н. Война и мир. М.-Л.: Худ. лит., 1966. Т. 1-2.

ABOUT THE PROCESSES OF THE STABILIZATION OF THE FOCUS OF CONSCIOUSNESS CONCENTRATION IN THE SPACE OF CONCEPT SPHERE

Oleg Olegovich Ippolitov

*Department of Humanitarian and Natural-Scientific Disciplines
Moscow Open Social Academy (Branch in Voronezh)
ippoo@vmail.ru*

The presence of some dynamic cognitive objects in the space of concept sphere is shown. The system of special coordinate axes is introduced and the linguistic material of different authors' works is researched.

Key words and phrases: concept sphere; concept; structure; modelling; process; stabilization; consciousness concentration focus.

УДК 821.35.0

В статье на примере конкретных художественных произведений прослеживаются способы эстетической концептуализации перекликающихся тем и образов. Одним из критериев, позволяющих рассматривать тексты в таком ключе, выступает общность внедренной в них смысловой оппозиции.

Ключевые слова и фразы: эстетическая реальность; объективно-эстетическое; художественная реальность; модель; оппозиция; подтекст; контекст; доминирующий образ; ситуация.

Инна Анатольевна Кажарова, к. филол. н.

Сектор кабардинской литературы

Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований

barsello@rambler.ru

ЭСТЕТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ («ЗИМНЯЯ НОЧЬ» А. ШОГЕНЦУКОВА И «КОШАЧЬИ СЛЕЗЫ» М. МИЖАЕВОЙ)[©]

Эстетическое - понятие весьма широкое, что неудивительно: оно открывается во множестве форм в каждом проявлении воспринимаемого человеком мира. Мы стремимся эстетизировать каждый момент своей действительности зачастую даже неосознанно, совершенно не нуждаясь в специальных теоретических познаниях. Сама же по себе теоретизация эстетических представлений, определение и упорядочение категорий - тоже одно из проявлений эстетического чувства, которое движет людьми в разные времена. Можно подразделять эстетику на имплицитную и эксплицитную (В. Бычков), теоретическую и практическую, элитарную и функциональную (Н. Хренов) - так или иначе эстетическую ипостась будет иметь каждый поступок, каждое событие, каждый предмет, с которым мы имеем дело.

Как высшая степень эстетизации действительности предстает художественное творчество, о чем пишет философ и литературовед Леонид Столович: «... эстетическое существует и вне искусства, но в искусстве оно предельно сконцентрировано. ... объективно-эстетическое отражается эстетическим сознанием, преобразуется и обогащается им, выступая в качестве новой эстетической реальности, художественной реальности. Поэтому художественная ценность представляет собой специфический вид эстетической ценности» [3, с. 198]. В концепции ученого обращает на себя внимание то, что эстетическое мыслится гораздо шире художественного. Исходя из этого, резонно предположить: насколько закономерен в процессе творчества направленный переход действительности в плоскость выразительности, настолько очевидна и «обратная перспектива», в которой выявляется «каркас» эстетического, и оно оказывается составленным из отдельных элементов действительности. Тогда в каждом отдельном случае эстетическая значимость приходится на определенное соотношение жеста, действия, звука, цвета, объема, пространственного положения и т.п. - иначе говоря, всего того, что допустимо рассматривать как модель. Отталкиваясь от таких представлений, мы рассмотрим балладу «Зимняя ночь» (1929 г.) классика кабардинской литературы Али Шогенцукова и стихотворение «Кошачьи слезы» современной черкесской поэтессы Мамиржан Мижаевой.